

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) ¹⁾.

Г л а в а V.

Злостный джингоизмъ.

Народный протестъ противъ защиты турокъ вызвалъ реакцію джингоизма, обезпокоившую многихъ, даже самого Гладстона. „Пора сдержать побѣдительницу Россію“ кричали руссофобы, которыхъ обуялъ какой-то политическій *delirium tremens*. — „Турція гибнетъ: надо ее спасти“, кричали они.

Теперь трудно себѣ представить всю силу антипатій, возбужденныхъ этой восточной войной; на cadaго друга Россіи туркофилы тогда смотрѣли, какъ на измѣнника Англии.

Я жаловался министру Мунделла на бездѣйствіе Общества Восточнаго вопроса. Тотъ мнѣ отвѣчалъ 29-го декабря:

„Я того мнѣнія, что начинается скверное дѣло. Насъ всячески хотятъ втянуть въ войну. Если же русскіе станутъ себя держать такъ же дерзко, какъ держали себя турки на конференціи, войну будутъ требовать въ этомъ случаѣ уже въ „защиту англійской чести“.

„Я слишкомъ хорошо знаю хитраго, злого негодяя, Биконсфильда, съ которымъ мы должны бороться, онъ ловокъ и находчивъ. Онъ

---

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1911 г.

будеть увѣрять, что желалъ лишь мира, что не онъ и не его партія вызвали войну и т. д. и т. д.“.

Я сообщалъ г-жѣ Новиковой, 19-го декабря, что наканунѣ я написалъ около тридцати, сорока писемъ противникамъ войны, предупреждая ихъ о новой формѣ опасности и побуждая ихъ готовиться къ энергическому сопротивленію.

„Епископъ Экзетерскій очень благодаренъ за предостереженіе, сдѣланное ему издателемъ Сѣвернаго Эхо. Его епископство готовится присоединиться къ либеральной партіи, чтобы воспрепятствовать такому бѣдствію, какъ вовлеченіе страны въ войну за Турцію“.

Второе — была тонкая, разумная записка отъ тогдашняго герцога Аргайльскаго, перваго послѣ Гладстона антагониста Турціи въ парламентѣ. Онъ писалъ 19 декабря изъ Инверери:

„Я вполне довѣряю агитаціи кабинета, о которой вы пишете, но я не считаю вѣроятнымъ, чтобы онъ достигъ своей цѣли. Всѣ другія державы враждебно относятся къ войнѣ. Но опасность заключается въ томъ, что усиленными демонстраціями Англія можетъ внушить новую энергію Турціи“.

Перечитывая дикую брань на Гладстона и его приверженцевъ, невольно думаешь, что слушаешь рѣчи сумасшедшихъ. Но въ тѣ времена, въ клубахъ Вестъ-енда и въ концертныхъ залахъ такія безумныя рѣчи считались патриотическими, и широко распространенныя газеты поднимали страстный кличъ къ войнѣ.

Открытыя письма, посылаемыя семьѣ Гладстоновъ свидѣлствуютъ о дикой разнузданности, царившей въ то время въ Англіи. Эти посланія часто посылались г-жѣ Гладстонъ писателями, имѣвшими претензію на пылкій патриотизмъ. Любимымъ приемомъ наглости было цитированіе рассказовъ изъ турецкихъ газетъ объ оскорбленіяхъ, будто бы, наносимыхъ казаками турецкимъ женщинамъ и дѣтямъ, съ пожеланіемъ, чтобы жена и дочери Гладстона подверглись тѣмъ же истязаніямъ. Другіе шли еще дальше: они прямо изъявляли желаніе, чтобы Гладстонъ подвергся всѣмъ мученіямъ геенны огненной. Я ничего не видѣлъ грязнаго и грубого, какъ это ужасное собраніе писемъ 1877—78 г.г., адресованныхъ нашему либеральному лидеру. Въ аду не нашлось бы ничего худшаго.

Такъ называемые „патріоты“ не ограничивались бранными письмами. Они бросали дохлыхъ кошекъ въ нѣкоторыхъ либераловъ, били стекла въ домѣ Гладстона, и успѣли добиться запре-

щенія народныхъ митинговъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Во время всей этой сатурналии грубости и насилія, они были твердо увѣрены, что доказываютъ этимъ высокій патріотизмъ, и что всѣ противники войны — лишь черные измѣнники. Они были убѣждены, что, поддерживая политику премьера, они отстаивали традиціонную политику Великобританіи. Самыя распространенныя газеты, періодическія изданія, претендующія на столичную культуру, считали себя выразителями еврейскаго премьера, и всѣ были за войну.

„Мы не хотимъ воевать“, кричала пьяная чернь, прерывая либеральные митинги. Говоря по правдѣ: у насъ не было ни кораблей, ни людей, чтобы пуститься въ Европейскую войну; къ тому же и рѣчи не было о завладѣніи Россіей Константинополемъ.

Консервативная партія всегда обвиняла Гладстона, даже и тогда, когда рѣчь не заходила о русско-турецкой войнѣ. Но было много газетъ какъ Daily Telegraph, Post, Pall-Mall Gazette, Vanity Fair и др., которыя бѣшено защищали воинственную политику лорда Биконсфильда. Въ самомъ кабинетѣ министры раздѣлились: лордъ Сальзберри, лордъ Дерби и лордъ Карнарвонъ считали нужнымъ наложить veto на воинственныя стремленія ихъ главы, но послѣ того, какъ „нейтральный“ кабинетъ допустилъ службу англійскихъ офицеровъ въ турецкой арміи и флотѣ, партійныя газеты перестали вдругъ требовать дальнѣйшаго вмѣшательства въ пользу турокъ. Но не всѣ. Такъ, напримѣръ: Vanity Fair продолжалъ настаивать на необходимости вмѣшательства:

„Никогда не было такого случая, какъ теперь, говоритъ газета, и такого никогда больше не будетъ.“

„Не можетъ быть мира, не можетъ быть безопасности не только для Турціи, но и для Англии, Франціи, Австріи, Голландіи, Швеціи и др., пока Россія не будетъ поработана до самаго С.-Петербурга.“

„Крымъ долженъ быть возвращенъ Турціи, Каспійскія провинціи—Персіи, Финляндія—Швеціи, Кавказъ долженъ быть независимъ, Турціи надо уплатить военную контрибуцію и тогда, на время, міръ успокоится“.

Королева Викторія телеграфировала Русскому Императору о желаніи турокъ заключить почетный миръ. Говорили, что Государь отвѣчалъ: „если лордъ Биконсфильдъ не будетъ науськивать турокъ на сопротивленіе, главное препятствіе къ миру исчезнетъ“.

Друзья Турціи, во главѣ съ Биконсфильдомъ, все болѣе и болѣе тревожились, по мѣрѣ приближенія русскихъ войскъ къ Константинополю. Переходъ черезъ Балканы начался на второй день Рождества, и отъ Новаго года до 20-го января, когда русскіе

ваняли Адрианополь, много было попытокъ остановить ихъ. Русскія войска, обреченныя стоять мѣсяцами передъ укрѣпленіями Плевны, потокомъ разлились по всей Южной Болгаріи. Ходили слухи, что русскіе рѣшили броситься на Константинополь и взять Галлиполи. Лордъ Дерби и князь Горчаковъ обмѣнивались денешами по этому поводу, при чемъ англійскій ударъ былъ русскимъ кабинетомъ умѣло отраженъ. Англійское правительство было увѣдомлено при объявленіи войны, въ чемъ заключались требованія Россіи, чтобъ согласиться на миръ, тѣмъ не менѣе оно выражало душевную тревогу отъ происшедшаго замедленія, прежде чѣмъ настоящей мирный договоръ былъ представленъ турецкимъ уполномоченнымъ. Всюду чувствовалось лихорадочное возбужденіе. Даже Гладстонъ поддался общему настроенію и написалъ о предстоящемъ мирѣ статью, въ февральскомъ номерѣ *Nineteenth Century*, гораздо болѣе антирусскую, чѣмъ можно было ожидать отъ автора его прежнихъ воззрѣній.

24-го января мнѣ Чемберленъ телеграфировалъ, что лордъ Карнарвонъ вышелъ въ отставку, о чемъ я немедленно телеграфировалъ въ Москву. Говорили, что лордъ Дерби и лордъ Сальзберри тоже выходятъ въ отставку, и самые нелѣпые слухи принимались съ жадностью. Лордъ Сальзберри отъ того вышелъ въ отставку, что былъ данъ приказъ англійскому флоту отправляться въ Константинополь, и что было рѣшено требовать голосованія на 6.000.000 на военныя и морскія приготовленія. Среди этого волненія Гладстонъ писалъ г-жѣ Новиковой:

25 января 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова, я не удивляюсь, что Вы использовали содержаніе моихъ писемъ (безымянно, какъ я понимаю) съ тою цѣлью, о какой Вы пишете, но такъ какъ фактъ этотъ, вѣроятно, станетъ извѣстнымъ, я бы просилъ Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе, прислать копію письма, на всякій случай, если мнѣ предъявятъ вопросъ объ его содержаніи. 17-го, когда получилось Ваше письмо, я былъ занятъ статьей для *Nineteenth Century*, подъ заглавіемъ „Предстоящій миръ“ съ намѣреніемъ направить мнѣніе англичанъ къ хорошему, а не дурному миру. Я всегда смотрѣлъ на это, какъ на большую опасность и боюсь, что англійское правительство всецѣло способствовало къ плохому миру, бросивъ Васъ въ объятія Австріи и усиливъ этимъ вліяніе на счетъ противъ свободы Славянскихъ княжествъ. Впрочемъ, будемъ уповать на Бога, такъ много даровавшаго имъ.

„Вы догадываетесь по числу на моемъ письмѣ, что я тороплюсь въ Лондонъ, по случаю предложенія, которое правительство намѣ-

рено сдѣлать въ понедѣльникъ. Я считаю, что это будетъ дурное предложеніе, какъ бы его ни разсматривать. Не предвижу, чтобы было сказано что-нибудь такое, чтобы я могъ поддержать и, судя по теперешнимъ сообщеніямъ, я не думаю, чтобы оно было пріятно странѣ. Вѣрьте искренней преданности

Гладстонъ“.

Письма Ольги Алексѣевны, писанныя въ январѣ, даютъ яркую картину того гнѣвнаго настроенія, въ которомъ находилась Россія по случаю ухищреній Биконсфильда. Она писала 26-го:

„Мы положительно недоумѣваемъ, что продѣлывается въ последнее время англійскимъ правительствомъ. Ради Бога, дайте ключъ къ этимъ загадкамъ. Мы живемъ въ лихорадочномъ возбужденіи. Ожидая худшаго, мы принуждены всего остерегаться. На весну назначены большія военныя приготовленія. Еще жертвы, еще потеря жизней и сокровищъ. Что жъ? Если такъ нужно, пусть будетъ такъ. Мы не можемъ, мы не смѣемъ уклоняться отъ долга, но у меня сердце замираетъ при мысли, что между нашими двумя націями можетъ чего добраго возникнуть война.

„Здѣсь всѣ говорятъ, что Англія смотритъ на насъ, какъ на дѣтей, грозя намъ ежеминутно войной. Зачѣмъ она вмѣшивается и мѣшаетъ намъ кончить наше дѣло, какъ слѣдуетъ? Поставьте себя на наше мѣсто. Если бъ вся Англія была сплошной перевязочный пунктъ, если бъ въ ней не было города или села, гдѣ не было своихъ раненыхъ, за которыми надо ухаживать, и своихъ умершихъ, которыхъ оплакиваютъ, можетъ быть, даже ваша королева такъ же рѣшилась, какъ нашъ государь не жертвовать народными жертвами, согласясь на позорный миръ, который бы не удалилъ причины войны“.

Мы дѣлали все, чтобы успокоить Ольгу Алексѣвну. Въ отвѣтъ на ея гнѣвное письмо я отвѣчалъ:

„Если Вы поступите разсудительно и ограничитесь тѣмъ, чтобы туркамъ оставить какъ можно меньше пространства, мы воевать не будемъ. Повѣрьте, все зависитъ отъ Васъ. До сихъ поръ Вы поступали прекрасно. Продолжайте также и впредь, и Вы въ безопасности, а лордъ Биконсфильдъ разбитъ. Потеряйте Вы терпѣніе, и лордъ Биконсфильдъ торжествуетъ. Мнѣ, какъ англичанину, стыдно сознаться, что только высокое терпѣніе и здравый смыслъ Россіи спасаютъ міръ отъ войны, которую нашъ премьеръ старается возбудить. Но что дѣлать, стыдно, это фактъ, а факты я признаю“.

27 января правительство потребовало шесть милліоновъ на военныя и морскія приготовленія. Наканунѣ, лордъ Гранвиль сообщилъ Гладстону, что „Диззи увѣрялъ посланниковъ, что онъ,

будто, желаетъ мира, но что его волю насилуетъ народное чувство и онъ будетъ принужденъ послать 300.000 войска въ Турцію¹⁾“.

1-го февраля г-жа Новикова писала:

„Никакія слова не могутъ Вамъ дать малѣйшаго понятія о томъ, что я перестрадала за эти дни. Я не могла ни думать, ни спать. Я вновь испытала ту же муку, которую чувствовала, когда узнала, что умеръ мой братъ Николай. Но мы не отступили отъ долга. Вамъ не придется стыдиться Вашихъ русскихъ симпатій; славяне не будутъ покинуты, чтобы ни случилось, даже, если Англія объявитъ намъ войну. Опубликованное мною письмо Гладстона было настоящимъ благодѣяніемъ. Онъ единственный человѣкъ, котораго здѣсь дѣйствительно уважаютъ. Но я бы не рѣшилась предать гласности это письмо, если бы не помнила, какъ онъ въ Вашемъ присутствіи сказалъ, что онъ никогда не писалъ мнѣ, чего боялся бы видѣть въ печати. Помните ли Вы это? скажите, неужели это мнѣ мерещилось во снѣ?“

Въ утѣшеніе я ей отвѣтилъ:

„Совершенно вѣрно, что Гладстонъ въ присутствіи моемъ и другихъ сказалъ, что ничего не имѣетъ противъ напечатанія всего, что онъ писалъ по Восточному вопросу собственно Вамъ и всему міру. Это конечно вполне оправдываетъ Вашъ поступокъ“.

Между тѣмъ, въ Англіи снова стали собираться митинги въ пользу войны, а когда Турція была разбита, консерваторы и руссофобы почувствовали, что опасно собирать народныя массы для поддержки правительства.

Но митинги въ Сити устраивались безъ оглядки военной партіей и возбуждали восторгъ джингоистовъ, оставляя совершенно въ тѣни многочисленныя собранія противной стороны. Ихъ дѣйствія дополнялись такими же сборищами въ Шефилдѣ, Портсмутѣ, Колчестерѣ и другихъ мѣстахъ, матеріально заинтересованныхъ въ увеличеніи военныхъ расходовъ. Большинство этихъ митинговъ были болѣе или менѣ шумныя сборища негодяевъ изъ черни, на которыхъ пѣсня Rule Britannia больше слышалась, чѣмъ что-либо другое.

Корреспонденты газетъ, подъ вліяніемъ возбужденія въ Лондонѣ, преувеличивали эти манифестаціи, называя ихъ воинственнымъ энтузіазмомъ. 4-го г-жа Новикова телеграфировала, прося объясненія. Она писала:

¹⁾ Жизнь Граввиля. Часть II, стр. 172.

Понедѣльникъ 4-го февраля 1878 г.

„Я очень огорчена; телеграммы изъ Лондона, перепечатанныя во всѣхъ нашихъ газетахъ, объявляютъ, что будто десять милліоновъ фунтовъ дарованы націей и что вездѣ устраиваются сильныя демонстраціи въ пользу войны. Что все это значитъ?“

Я отвѣчала ей: „Деньги эти не дарятся Турціи; онѣ понадобятся, когда будетъ провозглашаться королевой ея Императорскій титулъ, а этотъ титулъ нуженъ, по увѣренію Биконсфильда, чтобъ замедлить успѣхъ Россіи въ Средней Азій. Теперь Англія съ Россіей стоятъ лицомъ къ лицу. Но я все же думаю, что войны не будетъ между нами и вами до конференціи“.

„Новый элементъ, на который не рассчитывали, это взрывъ народнаго чувства къ правительству не потому, что оно противъ Россіи, или за Турцію, но потому, что англійскій народъ всегда готовъ поддерживать свое правительство. Говорятъ: въ критическую минуту эта поддержка особенно необходима. „Они не могутъ помогать Туркамъ, они англичане, кромѣ еврея—премьера; но не патриотично дѣлать затрудненія, отказывать въ смѣтѣ, пусть ведутъ страну, хотя бы къ діаволу, если нужно“ (добавляютъ они). Эти возгласы имѣютъ большое значеніе; прибавьте къ этому разрѣшенныя факельныя процессіи—хоры, костры, пиво и Rule Britannia, все это производитъ впечатлѣніе такого довѣрія къ правительству, что, конечно, это признакъ серьезный, съ которымъ нужно считаться. Даже это голосованіе шести милліоновъ,—пошлая выходка, но заслужила поддержку Вашего стараго друга Вилльерса, брата лорда Кларендона. Итакъ, тори торжествуютъ, а либералы раздѣлились. Они могутъ быть довольно тверды при голосованіи, но теперь, когда нѣтъ турка, они все больше и больше будутъ тяготѣть къ правительству“.

Гладстонъ говорилъ энергично противъ голосованія кредита и на другой день прислалъ мнѣ слѣдующее письмо, которое было очевидно послано для пересылки въ Москву г-жѣ Новиковой.

73 Harley Street.

5-го февраля 1878 г.

„Милостивый государь. Мы стоимъ на зыбкомъ пескѣ. То, что мы слышимъ изъ Россіи, не есть ли это лишь голосъ военной партіи, который можетъ быть не лучше нашей?“

„Я, впрочемъ, не очень боюсь войны. Я больше боюсь заговора съ Австріей, цѣль котораго была бы уничтожить какъ можно болѣе свободу подчиненныхъ Турціи племенъ. Хотя мы напрасно противились занятію Константинополя для военныхъ цѣлей, я надѣюсь, что русскіе не завладѣютъ имъ даже на минуту.“

„Я надѣюсь также, что они не будутъ настаивать на какой-нибудь части береговъ Дуная.

„Что касается проливовъ, ихъ положеніе такъ хорошо и опредѣленно, что не представляетъ никакой опасности, кромѣ какъ для грубаго насилія.

„Если въ этотъ великій моментъ исторіи, когда Россія совершала подвигъ долга, она останется ему вѣрна, то положеніе ея будетъ великолѣпно.

„Я Вамъ предоставляю право передать то, что я пишу, но ни при какихъ обстоятельствахъ это письмо не должно быть опубликовано подъ моимъ именемъ.

„Я желалъ бы знать настоящія условія. Скрытность даетъ поводъ къ худшимъ толкованіямъ.

„Къ несчастью я забылъ вчера предостеречь относительно Австріи, что былъ намѣренъ сдѣлать непременно. За ней надо строго наблюдать. Если понадобится, я хочу разработать этотъ предметъ.

Вашъ искренно
Гладстонъ“.

По вопросу о занятіи Константинополя, Ольга Алексѣевна писала въ 1880 г.:

„Въ прошломъ году генералъ Грантъ (бывшій президентъ С. А. Штатовъ) пріѣхалъ ко мнѣ въ Парижъ. Первый вопросъ, что онъ мнѣ сдѣлалъ: „можете ли Вы объяснить мнѣ, какъ случилось, что Вы не заняли Константинополь, когда онъ былъ въ Вашихъ рукахъ“?

„Увы, отвѣчала я, хорошаго объясненія я Вамъ дать не могу. Въ Москвѣ мы никогда не ожидали такого добровольнаго отреченія отъ власти. Нѣкоторые изъ нашихъ военныхъ телеграфировали изъ Турціи въ Москву: „завтра займемъ Константинополь на нѣсколько дней“. Вы не можете себѣ представить разочарованіе всей Россіи, когда узнали, что миръ нами будетъ подписанъ не въ Константинополѣ.

„Общее убѣжденіе состоитъ въ томъ, что наше правительство было введено въ заблужденіе заграничными извѣстіями и телеграфировало приказъ главнокомандующаго Великому Князю Николаю Николаевичу не идти впередъ.

„Генералъ Грантъ слушалъ внимательно, улыбнулся и сказалъ: „я могу только сказать одно: будь я на мѣстѣ Вашего главнокомандующаго, я положилъ бы приказъ въ карманъ и распечаталъ бы его въ Константинополѣ черезъ три, четыре дня“.

„Да, отвѣчала я, это было большое испытаніе для нашего націо-

нальнаго чувства, и мы увѣрены, что никто въ мірѣ не будетъ намъ благодаренъ за эту ненужную уступку.

„Въ тотъ же день я обѣдала у М-г Emile Girardin, гдѣ было нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ. Я повторила разговоръ съ генераломъ Грантомъ. „Васъ удивляетъ его замѣчаніе“, говоритъ г-нъ Жирарденъ. Лишне говорить, какъ неприятна намъ была нѣмецкая прогулка по Парижу, тѣмъ не менѣе мы понимали, что нѣмецкое правительство не можетъ лишиться своей войска такого законнаго удовлетворенія“.

„Я слышала изъ очень достовѣрнаго источника, что князь Бисмаркъ, когда узналъ, что Россія не займетъ Константинополь, воскликнулъ съ нѣсколько нелестнымъ восклицаніемъ. „Nein, mit den Leuten ist nichts anzufangen (нѣтъ, съ этими людьми ничего не подѣлаешь)“. Въ душѣ желѣзный канцлеръ былъ радъ, конечно, каждой нашей ошибкѣ, но, какъ хорошаго шахматнаго игрока, всякій невѣрный шагъ выводилъ его изъ терпѣнія“.

7-го февраля анонимная телеграмма о томъ, что русскіе въ Константинополь, произвела дикое изступленіе джигговъ въ Лондонѣ и панику на биржѣ. Нашъ посланникъ въ Константинополь сэръ Л. Лаярдъ телеграфировалъ министерству иностранныхъ дѣлъ, что, несмотря на перемиріе, русскіе двигаются большою силою къ Константинополю. Дѣло было въ томъ, что согласно съ условіями о перемирії русскіе двигались, чтобы занять Чекмеджскую линію въ тридцати миляхъ отъ Константинополя. Поправка опоздала остановить панику. Говорили, будто бы гр. Шуваловъ сказалъ: „nous sommes dedans“, т. е. мы были обмануты. Лондонцы, переводя эти слова съ помощью лексикона, поняли, что они означаютъ, что русскіе въ Константинополь. Объясняя это г-жѣ Новиковой, я писалъ:

„6.000.000-ное голосованіе принято, но правительство дало самыя благопріятныя обѣщанія—не тратить, если возможно, этихъ денегъ, а открыть Дарданеллы для всенародной торговли и къ охранѣ Египта“.

Фрудъ не употреблялъ такихъ сильныхъ выраженій, какъ Фриманъ, но сужденіе его о премьеръ-министрѣ было не менѣе строго. Привожу его письмо, писанное до уступокъ министерства 30-го мая:

„Дорогая г-жа Новикова, Вы убѣдились, что я имѣлъ основаніе сообщить Вамъ три недѣли тому назадъ неприятныя извѣстія. Лучшій другъ мира, лордъ Карнавонъ, былъ принужденъ выйти въ отставку, и мы были на волоскѣ отъ войны. Такъ какъ я не имѣлъ ободряющаго взгляда на положеніе тогда, Вы можете съ бѣльшимъ довѣріемъ отнести къ моимъ словамъ теперь, когда я скажу Вамъ,

что опасность миновала и, если не произойдетъ какой-нибудь неприятный случай, она не повторится.

„Въ Англіи легко могла наступить паника, когда Турція стала гибнуть. Военная партія правительства, чувствуя, что пораженіе Турціи было пораженіе ихъ самихъ и уничтоженіе ихъ политики, воспользовалась тревогой... Это была послѣдняя надежда избѣжать позора. Долго я не могъ сказать, что будетъ. Если бы флотъ пошелъ въ Константинополь по первому приказу, двѣ недѣли назадъ, Порта могла не покориться, и война, вѣроятно, вспыхнула бы между Россіей и Англіей. Турецкой войнѣ конецъ. Нашъ флотъ посылается теперь безъ враждебныхъ намѣреній противъ Васъ, но какъ естественная предосторожность, которой Вы не воспрепятствуете, такъ какъ это успокаиваетъ нашъ народъ и смягчаетъ его приниженное самолюбіе. Теперь, я надѣюсь, все будетъ спокойно до начала конференціи. Не будемъ портить себѣ кровь волненіями о сраженіяхъ и потеряхъ нашихъ друзей... Мы станемъ мыслить хладнокровно и разсудительно, и дѣло уладится безъ дальнѣйшихъ ссоръ. Это мое мнѣніе въ настоящемъ. Не придавайте ему больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ. Всякое несчастное столкновеніе можетъ опять насъ воспламенить. Министерство сознаетъ послѣдствія своихъ ошибокъ. Страна туманно чувствуетъ, что достоинство ея пострадало, и это ее раздражаетъ. Я хочу сказать, что за послѣдніе полтора года я только теперь надѣюсь, что Восточный вопросъ можетъ рѣшиться безъ войны между нами и Вами. Чернь всегда готова провозглашать войну, какъ только представится случай, а когда поднимется крикъ, спокойныхъ людей не слушаетъ. Не теряйте теперь надежды! остаюсь преданный Вамъ

И. Фрудъ“.

Г-жа Новикова объяснила Гладстону причины, побудившія ее напечатать его прежнее письмо въ Москвѣ, напомнивъ ему, что всѣ его письма къ ней онъ считаетъ возможнымъ публиковать. Гладстонъ отвѣчалъ спустя три дня, послѣ голосованія кредита 328 головами противъ 124 и отставки лорда Хартингтона, г-на Фостера и другихъ.

43 Гарле-Стригъ

11-е февраля 1878.

„Дорогая г-жа Новикова. Очень благодарю за письмо. Не думайте, чтобы я Васъ обвинялъ. Вы совершенно правы, говоря, что я не имѣю никакого желанія скрывать какое бы то ни было мое мнѣніе, выраженное въ моихъ письмахъ къ Вамъ; но неудобство опубликованія письма въ томъ, что оно подвергается двукратнымъ

переводамъ. Сначала съ англійскаго на русскій, а потомъ съ русскаго на англійскій, и когда возвращается въ Англию, принимается за абсолютное выраженіе моихъ мыслей.

„Но это слишкомъ ничтожное дѣло, чтобы о немъ распространяться, когда мы среди великихъ событій и, собственно говоря, славныхъ событій дня.

„До настоящаго времени, насколько я могу судить, всѣ Ваши обязательства передъ нами были вполне честно выполнены. Не знаю, что выйдетъ изъ путаницы, о которой сообщаютъ сегодня: турки будто бы вдругъ не разрѣшили англійскимъ судамъ проходъ черезъ Дарданеллы.

„Я все дѣлалъ, что могъ, противъ голосованія шести милліоновъ—этого глупаго и вреднаго предложенія. Либеральные лидеры даже совсѣмъ уклонились въ послѣднюю минуту отъ голосованія. Вообще либеральная партія, по моему мнѣнію, твердо противится голосованію, какъ мѣрѣ обманчивой и злонамѣренной.

„Правительственныя рѣчи улучшаются. Онѣ не только дѣлаются миролюбивѣе, но болѣе благоприятны великому освобожденію, которое Вы совершили цѣною крови. Я буду зорко слѣдить здѣсь за всѣми признаками могущаго быть соглашенія съ австрійской политикой. Если бъ это понадобилось, я постараюсь охарактеризовать иностранную политику Австріи.

„Я радуюсь:

„Что отказано избрать Вѣну мѣстомъ для конференціи;

„Что ручательство передъ Константинополемъ было исполнено;

„Что Вы приобрѣли для Болгаріи настоящее освобожденіе, не основанное на конференціи;

„Что Вы сразу возстановили торговлю.

„Мнѣ жаль, если Вы настаиваете взять у храброй Румыніи кусокъ Бессарабіи. Великая слава не допускаетъ въ возвышенныхъ душахъ чувства обиды, а слава, которую жертвы Россіи Вамъ приобрѣли, безмѣрна.

Болѣзнь (такъ какъ я съ трудомъ могъ присутствовать въ парламентѣ) помѣшала отвѣтить ранѣе. Вашъ искренно

Гладстонъ“.

Несмотря на расколъ либераловъ и на панику, произведенную Лаярдомъ, въ странѣ чувствовалось успокоеніе.

Г-нъ Фостеръ писалъ мнѣ: „полезно внушать умѣренность Вашимъ русскимъ друзьямъ, но я не могу сказать, что есть опасеніе войны“.

Даже такой непримиримый боецъ, какъ сэръ Джоржъ Коксъ, писалъ 12-го февраля:

„Я положительно думаю, что все обстоятъ благополучно. Искренно порадовался бы я, если бы мы могли достичь сердечнаго дружнаго союза между англійскимъ и русскимъ народомъ. Это спасло бы отъ многихъ золъ въ Европѣ, но Биконсфильдъ и ториготы готовы все сдѣлать, чтобы этому помѣшать. Все же это свѣтлая мечта, къ которой мы можемъ стремиться въ будущемъ“.

Успокоеніе было кратко. На другой же день кризисъ возобновился. Причиной была на этотъ разъ попытка насильно провести англійскій флотъ черезъ Дарданеллы. Упомянутое послѣдовательнаго приближенія и удаленія флота подъ командой адмирала Хорнби показалось бы фарсомъ, не будь оно полно трагическихъ возможностей конфликта. 23-го января данъ приказъ идти въ Константинополь, на слѣдующій день вызванъ обратно въ Бискайскую бухту; на другой день приказано идти въ Дарданеллы и опять возвращеніе въ Бискайскую бухту. 7-го февраля вновь приказъ идти въ Константинополь для того только, чтобы испытать блокаду, такъ какъ Турки отказали въ фирманѣ на пропускъ судовъ.

Наконецъ 13-го эскадра силой прошла черезъ проливы, несмотря на турецкій протестъ и сообщеніе князя Горчакова, что такъ какъ англійскій флотъ былъ посланъ для охраны англичанъ, живущихъ въ Турціи, русскіе считаютъ своимъ долгомъ направить часть своихъ войскъ въ Константинополь, для огражденія христіанъ, жизни и имуществу которыхъ могла грозить опасность. Положеніе обострилось. Лордъ Дерби послалъ депешу (по понятію нѣкоторыхъ ультиматумъ), протестуя противъ довода князя Горчакова, увѣрявшаго, что та причина, которая оправдываетъ пребываніе англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ, можетъ служить оправданіемъ для занятія русскими Константинополя. 18-го февраля было достигнуто соглашеніе, по которому англійскій флотъ отступилъ на 35 миль отъ Константинополя, что равнялось такому же разстоянію русскаго аванпоста на Чекмеджской линіи.

Я постарался показать этотъ случай въ самомъ выгодномъ свѣтѣ г-жѣ Новиковой: „посылка флота была какъ нельзя болѣе благоприятна князю Горчакову. Лучшее, что могло случиться для вашего хитраго дипломата“, замѣтилъ я.

Гнѣвъ г-жи Новиковой не успокоился дипломатической побѣдой. 22-го февраля она мнѣ пишетъ:

„Посылка англійскихъ военныхъ судовъ, несмотря на сопротивленіе султана, есть не только нарушеніе нейтралитета и явное уничтоженіе Парижскаго трактата, но это очевидная демонстрація противъ Россіи. Будь наше правительство энергичнѣе, прислушайся оно къ единодушному желанію страны, единственно разумный и

достойный шагъ былъ бы: вмѣсто всякихъ предостереженій, немедленное занятіе Константинополя. Мы были безразсудно уступчивы. Оскорбительно намъ унижаться ради удовольствія Биконсфильда. Если Англія можетъ терпѣть такого человѣка своимъ главнымъ представителемъ, это дѣло вкуса. Наши взгляды на національныя обязанности, повидимому, не тѣ. Негодование противъ Англіи здѣсь велико, что очень понятно“.

Обнародованіе русскихъ условій мира 9-го февраля снова вызвало движеніе противъ Россіи. Я писалъ:

„Ваши условія мира произвели дурное впечатлѣніе здѣсь и въ Парижѣ. Одинъ мой голосъ раздается въ его защиту. Моя статья единственная, насколько я могу судить, оправдывающая Вашу умѣренность. Жалѣю я, что Вы не задушили совсѣмъ Турецкую имперію“.

Гладстонъ былъ недоволенъ предполагаемой переуступкой части Бессарабіи, и онъ вылилъ свою душу въ мартовской статьѣ *Nineteenth Century*.

Я писалъ г-жѣ Новиковой:

„Вы знаете, какъ Гладстонъ стремится быть другомъ Россіи. Если онъ могъ говорить съ такой силой, то Вы можете судить, какъ здѣсь истолковываютъ переуступку Бессарабіи. Ваши враги—наши враги, потому что тотъ, кто желаетъ создать кровопролитіе между Англіей и Россіей, не менѣе врагъ нашъ, какъ и Вашъ“.

Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ тотъ же день, посылая ей копію своей статьи.

27-е февраля 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова,—посылаю Вамъ мою послѣднюю статью изъ *Nineteenth Century* за мартъ, копію которой я только что получилъ. Она была написана ранѣе, чѣмъ ходящіе теперь слухи объ условіяхъ мира дошли до насъ.

„Я не вѣрю, чтобы слухи эти были вполнѣ вѣрны. Я, напримѣръ, не могу повѣрить, чтобы въ нихъ говорилось объ Египетской или Болгарской дани. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ я согласенъ съ тѣмъ, что они дѣлаютъ договоръ преувеличеннымъ, и что это дѣлается для того, чтобы удержать Турцію на своей сторонѣ, во время конференціи. Всякая законная мѣра по такой причинѣ меня не могла бы удивить. У меня выбиты два стекла изъ оконъ дикой толпой, которая потомъ пошла подавать благодарственный и поздравительный адресъ лорду Биконсфильду, прошлое воскресенье въ Даунъ-Стритъ.

„Не думаю, чтобы бѣдные глупцы эти имѣли какое-нибудь понятіе о причинахъ, или предметахъ неудовольствія. Такія демонстраціи на меня, конечно, не дѣйствуютъ. Я ясно видѣлъ свой

путь и старался твердо идти по немъ. Могутъ еще найтись затрудненія впереди, но, слава Богу, ненавистное и постыдное прошлое не можетъ повториться. Всегда Вамъ искренно преданный

Гладстонъ“.

Эпизодъ, о которомъ говоритъ Гладстонъ, такъ описанъ въ его дневникѣ:

„24 февраля (воскресенье) между четырьмя и шестью, три группы простого народа пришли сюда, первая съ радостными восклицаніями, другія двѣ—съ враждебными.

Окна разбиты, шумъ, крики. Послѣдній отрядъ былъ удаленъ конной полиціей, которая выстроилась въ линію по обѣ стороны. Не слишкомъ воскресное занятіе. Странная закулисная работа: хорошо бы ее открыть. Виновны, очевидно, подстрекатели“.

Это не единственный случай: „въ слѣдующее воскресенье, говорится въ дневникѣ, второе сборище народа было остановлено полиціей. Я вышелъ съ С., и большая толпа насъ окружила, хотя большею частью дружественно“.

Бессарабія была больнымъ мѣстомъ. Г-жа Новикова откровенно выражала свое сочувствіе къ ея возврату. Она писала:

„Что касается меня, я была бы счастлива, если бъ Россія ничего не взяла себѣ, никакой части Арменіи, ничего. Но я бы желала, чтобы она получила Бессарабію, хотя бы съ тѣмъ, чтобы отдать ее сейчасъ же. Я понимаю жажду уничтожить всякій слѣдъ Крымской войны. Англія помѣшала Греціи присоединиться къ намъ. Если бы бѣдный Георгъ не послушался лорда Биконсфильда, Эпиръ и Тессалія ему бы теперь принадлежали. Я, и къ счастью не я одна, желаемъ, чтобы Россія прощала, забывала и оказывала бы всегда помощь униженнымъ и угнетеннымъ!“

3-го марта г-нъ Фриманъ пишетъ:

„Какую страшную путаницу изъ дѣла о 6.000.000 сдѣлали Хардингтонъ и Фостеръ. Совершенно ясно: для того, чтобы вышло что-нибудь хорошее, Гладстонъ долженъ, хочетъ или не хочетъ, быть возвращенъ къ власти.

„Путаница увеличивается. Мнѣ не нравится требованіе Россіей денегъ и части Румыніи. Она сдѣлала бы лучше, если бы завладѣла турецкимъ флотомъ: это помогло бы Греціи, что же касается до денегъ, то турокъ вѣдь ихъ можетъ имѣть только отъ новыхъ притѣсненій.

И надъ границами Болгаріи необходимо наблюдать, въ интересахъ самой Греціи, которые представлены Турціи. Я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобы дать Болгаріи выходъ въ Эгейское

море, потому что ни малѣйшаго препятствія не представляетъ Греческая территорія, разбросанная мелкими кусками, такъ какъ главное сообщеніе должно всегда быть моремъ. Пускай бы грекамъ принадлежали Константинополь и Адрианополь, а болгарамъ Фессалія“.

Въ тотъ же день Кинглекъ длиннымъ письмомъ напоминаетъ Ольгѣ Алексѣевнѣ о разговорѣ съ нимъ, ею забытомъ:

„Надѣюсь, Вы вспомнили обо мнѣ, когда узнали, что рѣчь идетъ о Батумскомъ портѣ. Я помню, въ началѣ войны, какъ Вы протестовали, когда я заговорилъ о портѣ въ Батумѣ, но я, какъ видите, зналъ лучше Петербургъ, чѣмъ Вы. Я думаю, что изъ теперешняго положенія новая политика возникнетъ въ пользу Россіи“.

Пока ходили сплетни объ условіяхъ мира, переговоры, тянувшіеся между Великимъ Княземъ Николаемъ и турками, со времени вступленія русскихъ войскъ въ Адрианополь, окончились подписаніемъ мирнаго договора въ Санъ-Стефано 3-го марта 1878 г. Это былъ день памятный для исторіи цивилизаціи. Россія совершила свое дѣло. Болгарія объединена и свободна отъ Дуная до Эгейскаго моря, освобождена русскимъ оружіемъ. Но тутъ черезъ три мѣсяца появился новый конфликтъ, слѣдствіемъ котораго было уничтоженіе освободительнаго русскаго дѣла въ Македоніи, какъ единственное торжество мудрой Британской дипломатіи.

Г-жа Новикова, всегда дававшая вѣрное выраженіе мнѣнію храбрыхъ московскихъ патріотовъ, была очень недовольна. Она писала:

„Мы не особенно удовлетворены Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Онъ могъ бы быть гораздо лучше. Къ Черногоріи и Болгаріи отнеслись хорошо, но Герцеговина, Боснія, Сербія, Эпиръ, Фессалія, Албанія, мы могли бы всѣхъ ихъ сдѣлать счастливыми, если бы посоветовались съ либеральной партіей Англіи и съ австрійскими славянами, вмѣсто Англійскаго и Австрійскаго кабинета. Угодивъ лорду Биконсфильду и мадьярамъ, мы испортили свое дѣло.“

„Что касается Греческихъ провинцій,—это вина Англіи. Если бь король Георгъ посмѣлъ не слушаться Биконсфильда, Эпиръ и Фессалія ему бы теперь уже принадлежали, но русскіе охотно дадутъ всякую поддержку Греціи. Бѣдная Греція! Она дрожитъ отъ страха, потому что Англія можетъ въ каждую минуту ее уничтожить. Все же мы надѣемся, что она получитъ свои провинціи“.

Десять лѣтъ спустя послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, генераль Игнатьевъ говорилъ мнѣ объ ошибкахъ политики князя Горчакова, при заключеніи мира. Вотъ его слова,

записанныя мною тотчасъ послѣ того, какъ я слышалъ ихъ отъ генерала Игнатъева:

Передъ окончаніемъ войны, генераль Игнатъевъ былъ позванъ Императоромъ. Что бы Вы предложили теперь?“ спросилъ Его Величество. „Я предлжилъ бы отвѣтилъ генераль Игнатъевъ, какъ только русская армія будетъ въ виду Константинополя, созвать конференцію, которая была распущена въ январѣ, и начать работу съ того мѣста, гдѣ она была прервана. Державамъ я бы сказалъ: Вы потерпѣли неудачу въ началѣ года, потому что не было силы, покоряющей сопротивленіе турокъ. Россія совершила Ваше дѣло. Сопротивленіе турокъ уничтожено, и стотысячное русское войско готово исполнить Вашу волю. Въ какомъ блестящемъ положеніи мы были бы! Европа взяла бы отвѣтственность на себя, но Россія очевидно была бы ея уполномоченнымъ, и Россія заставила бы исполнить все, что конференція рѣшить. При наличности стотысячной арміи на югѣ Балканъ, не было бы ненужныхъ проволочекъ, и Европа сразу утвердила бы все, чего Россія достигла своими жертвами“. „Прекрасно“, сказалъ Государь, и одно время генераль Игнатъевъ былъ увѣренъ, что планъ его принять.

Однако, къ несчастью Европы, Россіи и Востока, князь Горчаковъ помѣшалъ исполненію этого превосходнаго проекта. Князь Горчаковъ самъ желалъ подписать мирный договоръ, не допустить туда вмѣсто себя графа Игнатъева. „Нѣкоторые люди, сказалъ однажды Игнатъевъ, объясняя свою систему, имѣютъ одну цѣль и одинъ путь къ ея достиженію. У меня цѣль одна, но путей къ ней я имѣю много. Закрѣпить одинъ, я беру другой. Для меня цѣль все, средства ничто“. Поэтому онъ немедленно изобрѣлъ такой планъ для выполненія своего проекта, по которому требовалась и подпись князя Горчакова. Пусть конференція будетъ созвана въ Константинополь, какъ бы ничего не случилось со времени послѣдняго созыва, потомъ ее перенести въ Одессу подъ предлогомъ, что Константинополь находится между враждующими арміями, и въ немъ переговоры вести было бы не безопасно. Тогда, если конференція состоится въ Одессѣ, князь Горчаковъ можетъ занять положеніе русскаго уполномоченнаго.

Но все было бесполезно. Горячія головы, противящіяся совѣщанію съ Европой, настаивали на заключеніи мирнаго договора между Россіей и Турціей. Генералу Игнатъеву велѣно было написать проектъ этого договора. Онъ усѣлся въ своемъ кабинетѣ въ Петербургѣ, и въ 24 часа былъ написанъ Санъ-Стефанскій договоръ, отъ перваго параграфа до послѣдняго. Онъ повезъ его въ министерство иностранныхъ дѣлъ и прочиталъ министрамъ. Они удивились

быстротѣ его составленія, но единодушно одобрили его предложеніе. *Helas, le pauvre Turc!* сказалъ г-нъ Ону, но его симпатіи были платоническія и не раздѣлялись главами министерства. Рѣшено было написанный генераломъ Игнатьевымъ договоръ принять.

Генераль Игнатьевъ съ этимъ договоромъ въ карманѣ поѣхалъ въ Санъ-Стефано, и своевременно его подписали турецкіе уполномоченные. Но фальшивый шагъ довелъ Россію до унижительнаго Берлинскаго трактата; это униженіе можно было смягчить, если не совсѣмъ избѣжать его, будь совѣтъ графа Игнатьева принять во время.

Таково, по крайней мѣрѣ, было мнѣніе генерала Игнатьева въ 1888 г.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

